

Очерк 8

Украинское население на территории России / РСФСР в 1917–1933 гг.: политика украинизации, родной язык, национальная идентичность

Украинцы России до 1917 г. ||

Украинское население России на протяжении столетий именовалось по-разному — «черкась», «малороссы», «хохлы». В XVII–XVIII вв. выходцев с Правобережной и Левобережной Украины, которые селились в пределах Московского государства, а затем великорусских губерниях Российской империи, русские называли «черкасами». Поэтому неслучайно, что на огромном пространстве от Северского Донца до Волги в эти столетия появилось множество селений с характерными названиями «черкаское», «черкаская», «черкасский» — село, слобода, острог.

В то же время уже в конце XVIII в. этот термин постепенно выходит из официального употребления, и за потомками казаков слободских полков и выходцев с Гетманщины, проживавшими в великороссийских губерниях, закрепляется название «малороссь» / «малороссияне». Оно широко употреблялось в официальном делопроизводстве на протяжении длительного времени, вплоть до начала 1920-х гг.¹

¹ Здесь стоит отметить, что в ленинских статьях термин «украинец» употреблялся еще со времен первой революции. См., например, «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» (1907 г.). Более подробно об использовании большевиками терминов «украинец» и «малоросс» см.: *Борисёнок Е.Ю.* Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186.

Однако многовековой период совместного проживания русских и украинцев (потомков малороссийских, слободских и запорожских казаков) в границах одного государства, процессы унификации их социально-политической и экономической жизни привели к тому, что уже в середине XIX в. среди украинского населения России, главным образом Центрально-Черноземных губерний, начался процесс языковой и культурной ассимиляции («обрусения»). Постепенно процесс естественной ассимиляции коснулся и остальной части украинского населения России, которое длительное время проживало компактным анклавом среди большинства русского («великорусского») населения на Дону, Кубани, в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке. Произшедшие изменения нашли свое отражение в эволюции значения этнонима «хохол», который к концу XIX — началу XX в. получил широкое распространение в качестве самоназвания той части украинцев, которые проживали в русских («великорусских») губерниях и областях Российской империи. Как справедливо полагает Л.Н. Чижикова, «название “хохол” превратилось со временем благодаря его широкому распространению и устойчивому бытованию в своеобразный этноним, потеряв характер обидного прозвища... Довольно часто встречалось также и самоназвание “перевертень”, “перевертыш”»². На наш взгляд, те украинцы в России, кто начиная с конца XIX в. именовал себя «хохлами», представляют собой смешанную / переходную / пограничную часть населения между великороссами / русскими и малороссами / украинцами, своеобразный субэтнос³.

² См.: Чижикова Л.Н. Тенденция этнокультурного развития украинских групп населения в южных районах РСФСР // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. М., 1989. С. 115. О значении термина «хохол» в начале XVII в. см.: Флоря Б.Н. Кто такой хохол? // Родина. 1999. № 8. С. 59; О значении и эволюции этнонима «хохол» в XIX–XX вв. подробнее см.: Лескинен М.В. «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб., 2016. С. 77–102; Дроздов К.С. Украинское население России / РСФСР в конце XIX–XX в.: «малороссы», «хохлы», «украинцы» // Там же. С. 103–125.

³ По всей видимости, к этому же выводу приходит и современный российский исследователь этнодемографических процессов С.Я. Суший. Он по-

До революции официальные власти придерживались традиционной идеологии общерусского единства, считая всё восточнославянское население империи «русским» (что отнюдь не исключало активного внимания и научной общественности к понятиям «русский»)⁴. Они не признавали украинцев (и белорусов) в качестве отдельных от русских самостоятельных народов и поэтому старались, пренебрегая культурно-просветительной стороной украинского движения, «искоренить украинство как явление чужеродное и антигосударственное». Вплоть до февраля 1917 г. политическая полиция проводила репрессивную политику в отношении активных представителей украинского национального движения⁵.

лагает, что в регионах со сложной этнической структурой, например на Юге России, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими национальными сообществами (русскими и украинцами), а также их многочисленным смешанным потомством, лобовой вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину. В таких регионах «смешанную» биэтническую (так у автора. — К. Д.) группу населения, по его мнению, следовало бы выделять в качестве самостоятельной этнокультурной группы. См.: *Сущий С.Я.* Украинцы Юга России — демографическая история одного регионального сообщества. Ростов-на-Дону, 2013. С. 27–28.

⁴ См. очерки 2 и 4 М.В. Лескинен в данной книге.

⁵ По мере того, как с начала XX в. усиливалось противостояние двух проектов национализма — украинского и общерусского, начались процессы семантической трансформации этнонимов «украинец» и «малоросс», все больше они стали приобретать ярко выраженную идеологическую направленность. Для активистов украинского национального движения малороссы были, прежде всего, жертвами русификации и несознательными украинцами, теми, кого надо было спасти для украинской нации. Они верили, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке «все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона». Со своей стороны для многих русских националистов русскость малоросса воспринималась как естественное состояние. «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова “малоросс”. Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: “Я — русский”. Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южноруссов». Цит. по: *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. 2. С. 435. Этноним «украинцы» в отношении потомков казацкого населения, проживавшего в великороссийских губерниях Центрального Черноземья, на Кубани, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке практически не использовался вплоть до революции 1917 г.

В «Обзоре украинского движения», подготовленном Департаментом полиции в 1910 г., говорилось, что «рассчитывать на успех в борьбе с украинским движением в России возможно лишь в том случае, если, не ограничиваясь средствами, которыми в настоящее время располагают местные розыскные и административные органы, в стране будет установлено строжайшее судебное и административное преследование за одну лишь принадлежность к украинофильским партиям»⁶.

Умеренные украинские круги делали ставку на пробуждение общественного интереса и поддержку своей культурно-национальной программы со стороны либеральных и демократических партий IV Государственной думы. «Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературно-общественной жизни», — говорилось в обширной записке «Украинский вопрос и русское общество», которая в начале 1917 г. была направлена руководству кадетской партии. Авторы записки обращались к авторитету русских ученых и общественных деятелей, которые могли бы своими публицистическими выступлениями, изданием специальных брошюр, содействием учреждению украинской школы сдвинуть украинский вопрос с мертвой точки⁷.

Необходимо отметить, что ужесточение политики в отношении украинского движения в 1914–1917 гг. связано было с началом и ходом Первой мировой войны, которая не только обострила позиции различных партий и сторон по национальным вопросам, но и актуализировала те из них, которые имели самое непосредственное отношение к территории Империи, западные границы которой менялись с линией фронта.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 253. Д. 39. Л. 75–76.

⁷ *Михутин И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 223.

За год до этого, 6 февраля 1916 г., члену Государственной думы социал-демократу Н.С. Чхеидзе была направлена петиция деятелей украинского движения, обличающая репрессивную политику царского правительства: «Теперь украинский народ в России приговорен к смерти. Его просветительно-культурные учреждения (“Просвіта”) закрыты правительством, родное его слово заковано, газеты и журналы приостановлены, украинская национальная мысль преследуется правительством, как антигосударственное преступление, обысками и арестами сознательных украинцев; уничтожается с корнем украинская “крамола”, вообще, ужасное преследование всего того, что “украинское”. Чего же больше? Административная власть запрещает автономическим учреждениям, т. е. земствам заниматься чисто просветительными делами (преподавание в школах на родном языке) украинского народа»⁸. Подписавшие петицию требовали: 1) равноправия украинского народа с русским; 2) свободного использования украинского языка, по крайней мере, в начальных школах; 3) свободы украинской прессы и книгопечатания вообще; 4) свободной деятельности украинских просветительно-культурных обществ (товариществ и читален «Просвиты», кооперативов, земледельческих союзов); 5) «вообще государственно-законного установления гарантий культурно-национального развития украинского народа в Русском государстве»⁹.

Однако Департамент полиции именно в деятельности культурно-просветительных украинских организаций усматривал потенциальную угрозу существующему режиму и направлял все усилия к их ликвидации. «Пока в распоряжении украинофилов в пределах России будут находиться такие сильные культурные учреждения, как “Просвіта”¹⁰ и “Литературно-научное товариство”¹¹, и существовать печат-

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 295. Л. 47.

⁹ Там же. Л. 48.

¹⁰ «Просвіта» — украинская общественная культурно-просветительская организация. В России первые легальные «Просвиты» появились после революции 1905–1907 гг.

¹¹ «Литературно-научное товариство» — имеется в виду научное общество им. Шевченко, возникшее во Львове в 1892 г. в результате реорганиза-

ные органы “Литературно-науковий вістник”¹² и “Рада”¹³, театры и прочее — пресечь движение в корне не мыслимо”¹⁴.

В «Записке об украинском движении за 1914–1916 гг. с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии», составленной Департаментом полиции в июне 1916 г., формулировались следующие практические выводы: «Украинское движение в России всех оттенков и направлений есть течение противогосударственное, и если за культурно-просветительным направлением украинства можно признавать известную безопасность для государственного порядка, то эту безопасность при широком государственном взгляде на этот вопрос надлежит считать делом времени, так как и в исключительно культурном течении украинства посеяны зерна обособленности населения Малороссии, именуемого украинским народом, — той обособленности, на почве которой могут легко произрастать весьма заманчивые для украинцев политические тенденции, угрожающие государственному порядку»¹⁵.

Вплоть до крушения старой императорской России в феврале 1917 г. политическая полиция продолжала преследовать представителей украинского национального

ции литературного товарищества им. Шевченко, созданного в 1873 г. по инициативе украинских интеллигентов, выходцев из российской Украины. С 1894 г. после приезда во Львов М.С. Грушевского, который вскоре стал его председателем, общество активизирует свою общественно-политическую и научную деятельность, получает всеукраинскую известность и становится интеллектуальным и культурным центром для всего тогдашнего украинства.

¹² «Литературно-науковий вістник» — ежемесячный журнал для украинского читателя, который издавало общество им. Шевченко. С 1898 по 1906 гг. выходил во Львове и был единственным тогда украиноязычным литературно-научным журналом, объединявшим вокруг себя сторонников украинства, как в австрийской Галиции, так и в российской Украине. После первой русской революции стал издаваться М.С. Грушевским в Киеве — с 1907 по 1914 г.

¹³ «Рада» — украинская еженедельная газета, выходившая в Киеве с 1906 по 1914 г. С началом Первой мировой войны журнал и газета были закрыты властями.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 39. Л. 51.

¹⁵ Там же. Д. 295. Л. 73.

движения, как потенциальных противников существующего режима и целостности Российской империи.

По мнению современного краснодарского исследователя И.Ю. Васильева, на рубеже XIX–XX вв. на Кубани сформировалось единое кубанское казачество как субэтнос русского народа. Процессы естественной ассимиляции и русификации среди украиноязычных кубанских казаков (потомков черноморского казачества) все более усиливались, что было связано, главным образом, с воинской службой, где господствовал русский язык, а также с официальным делопроизводством и школьным образованием на русском языке. «Постепенная русификация украинцев Кубани происходила не вследствие насильственной ассимиляции, а по причине естественной эволюции этнической культуры и самосознания представителей близких друг другу этносов», — пишет исследователь¹⁶.

Здесь также следует иметь в виду, что на Кубани в дореволюционный период сословная принадлежность к казакам или иногородним играла определяющую роль и значила гораздо больше, чем этническая принадлежность к великороссам или малороссам. Однако на Кубани были и те, для кого украинская идентичность имела большую значимость. В 1901 г. здесь было создано местное отделение Украинской революционной партии (РУП) во главе с представителем кубанской левой интеллигенции С.И. Эрастовым. В 1905 г. после раскола партии большая часть членов РУП вошла в состав вновь образованной Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), которая насчитывала на Кубани в 1905–1906 гг. около 200–220 членов. Национально-культурное движение среди украинцев Кубани усилилось после революции 1905 г. В 1906 г. в Екатеринодаре было создано первое легальное общество «Просвита», которое имело два книжных магазина по продаже украинской литературы. К весне 1907 г. филиалы

¹⁶ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 99.

общества функционировали в Майкопе, Темрюке, станицах Каневской, Новотитаровской, Платнировской, Пензенской, Северской, Тихорецкой, Усть-Лабинской, Уманской, Пашковской, Лабинской, на хуторах Романовском и Зубова Балка. Члены «Просвитель» активно распространяли сведения по истории и культуре Украины, читали лекции и рефераты. До революции 1917 г. на Кубани действовало несколько любительских украинских драматических кружков (в 1906 г. такой кружок существовал в Екатеринодаре под руководством Городецкого и Костюка), еще в 1890-е гг. в Екатеринодаре был создан литературный кружок «Кубанская громада», который объединял молодых украинских поэтов Кубани (М. Вороний, Я. Жарко, О. Кирий, А. Пивень), проводились этнографические исследования (М.А. Дикарев), создавались частные украинские библиотеки. В 1912 г. в Екатеринодаре открылась первая школа кобзарей¹⁷.

На территории *Дальнего Востока* первой украинской организацией, к тому же получившей право на легальную деятельность, стала Владивостокская студенческая Украинская Громада, образованная в октябре 1907 г. студентами-украинцами местного Восточного института. Владивостокская студенческая Громада положила начало традиции проведения на Дальнем Востоке так называемых Шевченковских свят — торжественных празднований годовщин рождения и смерти украинского поэта Т.Г. Шевченко, которые проводились ежегодно в 20-х числах февраля¹⁸.

Не менее активную деятельность, которая способствовала развитию национального самосознания местных украинцев, проводил украинский театральный кружок во Владивостоке. В условиях отсутствия национальной школы режиссер кружка И. Мостипан отводил ему решающую

¹⁷ См.: Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века). М., 2014. С. 45–49, 60–64.

¹⁸ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009. С. 88.

роль в распространении украинского национального самосознания. В полицейском рапорте отмечалось, что целью кружка являлось «полное объединение всех находящихся во Владивостоке украинцев между собою и также организация тесной связи с таковыми же организациями в России и за границей», а также возможно более широкое знакомство «с литературой исключительно на украинском языке, как издающейся в России, так и за границей», и общение на родном языке. Поэтому, кроме спектаклей, кружок уделял большое внимание «общему просвещению украинской общественности во Владивостоке». Его усилиями в библиотеке Народного дома был создан особый украинский отдел, в который выписывались украинские газеты и журналы. В 1912 г. во Владивостоке получали свыше 400 экземпляров украинских газет и журналов, а в начале 1914 г. в киоске «Польза» было распродано 500 украинских календарей¹⁹. Накануне Первой мировой войны крестьяне одного из украинских сел под Хабаровском в ответ на агитацию представителей Союза русского народа заявили, что они являются «украинцами-инородцами», а не «истиннорусскими»²⁰.

Каким было реальное влияние адептов украинского национального движения на малороссов губерний *Центрального Черноземья* перед революцией 1917 г., можно судить по книге С. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (Киев, 1912), которая на то время являлась одним из самых известных сочинений критиков украинского движения в России. Автор смог обнаружить сведения лишь о том, что в Курске был открыт книжный киоск по продаже украинской литературы и здесь же был организован украинский отдел железнодорожной библиотеки²¹. Накануне Первой мировой

¹⁹ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009. С. 106–107.

²⁰ Там же. С. 69.

²¹ Современное переиздание этой книги см.: Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 233.

войны украинский кружок учащихся средних учебных заведений был организован в Белгороде Курской губернии²².

Несмотря на то что к началу XX в. украинская идентичность и украинское национальное самосознание только начали проникать в широкие народные массы, с началом Первой мировой войны ситуация стала меняться кардинальным образом. Сотни тысяч эвакуированных беженцев из Восточной Галиции и западных губерний, а также многочисленные военнопленные австро-венгерской армии оказались в тыловых русских губерниях, в том числе Курской и Воронежской. Среди них было значительное число и «сознательных украинцев». Именно выходцы из Галиции стали наиболее активными сторонниками реализации украинского проекта в губерниях Центрального Черноземья после Февральской революции 1917 г.

Украинцы России в годы революции и гражданской войны

Февральская революция и начавшийся распад Российской империи дали новый импульс для развития национальных движений, в том числе украинского. Только в 1918–1919 гг., сменяя друг друга, возникают на территории бывших малороссийских губерний сначала Украинская Народная Республика, затем Украинская держава гетмана Скоропадского и, наконец, Украинская Советская Социалистическая Республика. Более того, именно факт существования украинских национальных государственных образований способствовал пробуждению и активизации украинского национального движения и на территории РСФСР, где проживало около 7 млн человек малороссийского/украинского населения (Кубань, Центральное Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток).

В марте 1917 г. *на Кубани* создается Кубанская украинская национальная рада, по ее инициативе 24 марта была

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 295. Л. 55; Д. 39. Л. 57.

возобновлена деятельность общества «Просвитель», целью которого являлось распространение украинского литературного языка среди широких масс казачества и приобщение их к украинской культуре. В рамках деятельности этого общества была организована украинская гимназия и создано товарищество «Школьная освіта», был составлен украинский букварь. О начале его издания объявили 1 июля 1917 г. А чуть раньше, 5–7 апреля, на съезде кубанских учителей было решено открыть курсы для подготовки украинских педагогов и способствовать введению украиноязычного преподавания в школах, если этого пожелают родители учеников. В результате в 1917 г. станичные сходы некоторых станиц (например, Старолеушковская) стали в явочном порядке принимать решения об украинизации станичных школ. С сентября 1917 г. в Екатеринодаре стала выходить украиноязычная газета «Чорноморець», а в Новороссийске — «Чорноморська Рада»²³.

В начале 1918 г. часть депутатов Кубанской Рады выступала за присоединение Кубани к Украинской Народной Республике на федеративной основе. Благодаря усилиям украинских активистов в 1918–1919 гг. кубанская краевая власть принимала меры по развитию украинской культуры. При министерстве просвещения Кубанского края была создана должность инструктора по украинской школе. 7 мая 1919 г. местный сход в станице Полтавской принял решение об украинизации начальных школ и учительской семинарии²⁴.

На протяжении 1917–1918 гг. украинские «громады» и «просвитель» создаются практически во всех городах *Дальнего Востока* — Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спасске, Имане, Хабаровске, Благовещенске, Свободном, Петропавловске-на-Камчатке, Чите, Харбине. «Национальная украинская школа в области, образование украинских библиотек и вообще все те просветительные

²³ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 17, 19.

²⁴ Там же. С. 20–21.

цели, которые должны послужить к развитию самоопределения украинцев в области», — вот те приоритетные задачи, которые были определены на собрании благовещенской украинской громады 23 апреля 1917 г. Руководитель лекционной секции владивостокской украинской громады. С. Семко видел основную задачу украинских организаций в развитии образования и национального сознания местного украинского населения. 27 сентября 1917 г. украинская школа была открыта в Хабаровске, она располагалась в помещении местного Украинского клуба. В дальнейшем, на заседании Хабаровской городской Думы 19 марта 1918 г. украинская школа была включена в сеть городских школ. Во Владивостоке занятия в украинской начальной школе, которая размещалась в помещении «Просвиты» в Народном доме, начались 21 октября 1918 г.²⁵

Схожая ситуация наблюдалась и в губерниях *Центрального Черноземья*. Со времени Первой мировой войны в Воронеже оказалось немало галичан и буковинцев. Многие из них находились в трудном материальном положении. После революции в помощь австрийским переселенцам украинского происхождения был образован специальный комитет, денежными пособиями которого пользовались более 100 человек. Инициатором его создания был уроженец Львова О.Н. Кузьмич. Вскоре он стал одним из организаторов, а затем и председателем воронежской украинской громады, насчитывавшей до 300 членов. Основной формой ее деятельности были собрания и регулярно проводившиеся «сходины», на которых обсуждались злободневные вопросы национального самоопределения украинцев. Осенью 1917 г. при громаде возник культурно-просветительский кружок украинской учащейся молодежи. 26 ноября в зале учительского института состоялось первое общее собрание членов «гуртка» (кружка). Кружковцы поставили перед собой цель — изучать родную историю и литературу, знакомиться с жизнью и политиче-

²⁵ Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). С. 285–286, 289.

ским движением украинского народа в его прошлом и настоящем. Серьезной потерей для всего «украинофильства» губернии стала скоропостижная смерть О.Н. Кузьмича в конце 1917 г.²⁶

В октябре 1917 г. отдел народного образования Воронежского губернского земства разослал во все уездные земские управы запрос о возможности и желательности украинизации школ с детьми малороссов. Положительные ответы были получены из Острогожского и Бирючанского уездов. Однако при этом надо иметь в виду, что из 44 сельских обществ Острогожского уезда украинизацию школ поддержали всего 9²⁷.

В декабре того же года вопрос о возможном присоединении Валуйского уезда к Украине рассматривался на чрезвычайной сессии уездного земского собрания. Возможность и даже необходимость такого акта никем не отрицалась в силу ряда этнографических, экономических и территориальных причин. Известный воронежский педагог и земский деятель Н.В. Чехов считал, что вопрос о присоединении малорусских уездов Воронежской губернии (Острогожского, Валуйского, Бирючанского и Богучарского) к Украинской республике не так прост, как это кажется Центральной Раде, и не может быть разрешен в скором времени. Н.В. Чехов ратовал за демократический принцип самоопределения народностей и предостерегал от насильственной украинизации.

В конце апреля–мае 1918 г. часть южных и юго-западных уездов Курской и Воронежской губерний, где проживало большое число украинцев/малороссов, с помощью германских штыков были присоединены к Украинской державе гетмана П.П. Скоропадского. К лету 1918 г. в составе Украинской державы оказались Путивльский и Грайворонский, большая часть Белгородского и Суджан-

²⁶ Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А. Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж, 2012. С. 64.

²⁷ Сергійчук В.І. Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках. Київ, 1999. С. 150.

ского, ряд волостей Рыльского, Львовского, Обоянского, Корочанского и Новооскольского уездов Курской губернии, а также часть Валуйского и Острогожского уездов Воронежской губернии, включая такие крупные уездные центры, как Белгород, Путивль, Рыльск, Суджа, Валуйки и Грайворон.

Чтобы защитить Суджанский уезд от «разбойничьих большевистских банд», 2 июля 1918 г. руководство уезда подготовило и направило докладную записку в Министерство иностранных дел гетмана Скоропадского, в которой просило украинское правительство присоединить весь Суджанский уезд к «Родной Украине». В докладной записке сообщалось, что «естественное и постоянное тяготение населения Суджанского края к родному югу никогда не уменьшалось». «Язык, хотя и близко соприкасается с великорусским, до сегодняшнего дня сохранил свои особенности, при этом теперь не меньше 60% населения Суджанского уезда говорит по-украински ... В настоящий момент украинское население распространилось далеко за границами Суджанского уезда, на 70 верст на север и на восток ... Одежда, быт и обычаи Суджанского уезда сохранили до сегодняшнего дня свой исконный украинский характер. Торговля, промышленность и наука приходила и приходит к нам из Киева, Сум и Харькова». Авторы докладной записки приходят к выводу, что переход к Украине всего Суджанского уезда является как с исторической, так и с экономической стороны неминуемым и необходимым и, кроме того, поддерживается всем населением, которое хоть как-нибудь может понимать свои потребности и дело национального возрождения²⁸.

Однако здесь следует иметь в виду, что такая готовность определенной части населения присоединиться к Украинской державе была не столько следствием какого-то их украинского национального возрождения, сколько простым желанием обезопасить свою жизнь от революционного хаоса, так как гетманат воспринимался ими,

²⁸ Цит. по: *Сергійчук В.І.* Українська соборність. С. 170–172.

прежде всего, как сильная власть, способная восстановить разрушенный порядок. По сути, в сложившейся ситуации речь шла о том, что люди выступали не за украинское государство, а против большевиков.

На территории присоединенных уездов, как и по всей Украине, киевские власти начали активно проводить политику украинизации. В это время советские газеты сообщали, что в занятых немцами и гайдамаками местностях Курской губернии отдан приказ в четырехмесячный срок изучить украинский язык, не исполнившие этого приказа подлежали увольнению с занимаемых должностей как саботажники. Полнее и ярче всего процесс украинизации 1918 г. отразился на системе народного образования, особенно после того, как 1 августа гетман Скоропадский утвердил закон об обязательном изучении во всех средних учебных заведениях, учительских семинариях и институтах украинского языка, а также литературы, истории и географии Украины. Как следует из записей журнала педагогического совета Грайворонской женской гимназии, 5 июля 1918 г., все учителя гимназии подали председателю педсовета записки, в которых указывали, что в будущем учебном году они не могут вести преподавание своих дисциплин на украинском языке, а в августе педагогический совет постановил ходатайствовать перед попечительским советом гимназии «об ассигновании потребной суммы на оплату переводчика циркуляров с украинского на русский язык»²⁹.

Несколько лучше обстояли дела в мужской гимназии, где на новые должности преподавателей украинского языка, литературы, истории и географии Украины были приглашены лица, прошедшие специальные курсы летом 1918 г. в Харькове. Следует отметить также немаловажный факт, что в гимназии не было отмечено случаев арестов лиц за проводимую ими национально-культурную работу³⁰.

²⁹ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 40 об., 44 об.

³⁰ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

7 сентября 1918 г. педсовет Грайворонской женской гимназии, чтобы пополнить библиотеку книгами на темы украиноведения, принял решение выписывать журналы «Вільна українська школа» и «Книгарь»³¹. В конце сентября 1918 г. преподаватели гимназий г. Грайворона принимали присягу «на вірність Українській Державі» и утверждали ее собственноручной подписью.

В декабре 1918 г. — январе 1919 г. власть большевиков была вновь восстановлена на всей территории Курской и Воронежской губерний. К началу февраля в Грайворонском уезде на русском языке вели преподавание 13 учебных заведений, и только одно — на украинском³². 28 февраля отдел народного образования Грайворонского уисполкома издал циркуляр о прекращении преподавания украинского языка в гимназиях, впредь до особого распоряжения. Освободившиеся часы предлагалось использовать для преподавания других предметов по усмотрению педсовета³³.

Окончательную точку в деле прекращения украинизации школ и культурных учреждений поставили летом 1919 г. деникинцы, выступавшие под лозунгом «единой, неделимой России». Согласно Временному положению «Об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией», которым определялся порядок администрирования в зоне деникинского контроля, русский язык был объявлен единственным государственным языком, при этом употребление «местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях» допускалось «в пределах, установленных законом». Генерал В. Май-Маевский, безраздельно хозяйничавший в занятом деникинцами Харькове и на части территории Курской губернии, которая была очищена от большевиков, 3 августа 1919 г. издал приказ № 22 следующего содержания: «Все школы, в которых до появления “украинских” властей преподавание велось на русском языке, а затем, по распоря-

³¹ ГАБО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 53 об.-54, 241; Д. 184. Л. 3.

³² См.: Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 457–458.

³³ ГАБО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 84 об.

жению украинской власти, языком преподавания был сделан малорусский язык, должны вернуться вновь к преподаванию на русском языке». Май-Маевский фактически запретил украинские школы, дотирующиеся государством или земствами, разрешив лишь частные учебные заведения. Этим же приказом был упразднен учебный предмет «украиноведение», учрежденный в гетманский период³⁴.

Однако факт существования независимой Украины и украинского национального движения в 1917–1919 гг. самым непосредственным образом повлиял на эволюцию позиции большевиков в национальном вопросе к концу Гражданской войны. Чтобы перехватить инициативу у «петлюровцев» в разрешении национального вопроса и нейтрализовать национальное движение на Украине, лидеры коммунистов провозгласили образование Украинской Советской Социалистической Республики, окончательно признав украинцев отдельной нацией со своим языком и культурой³⁵.

Украинцы РСФСР в 1920-е – 1930-е гг. || Политика советской украинизации ||

Вторая волна украинизации на территориях РСФСР, где проживало украинское население, началась в середине

³⁴ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика... С. 511–512. Как пишет современный исследователь А.С. Пученков, приказ, сохраняющий частные украинские школы, вызвал шквал критики в петлюровской печати. В «Обращении» Деникина с самого начала речь шла только о допустимости малорусского языка в частных школах и в первые годы обучения в начальных школах. См.: Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 210, 213.

³⁵ Так, по мнению зарубежного украинского историка И. Лысяка-Рудницкого, образование Украинской ССР есть «воплощение компромисса между украинским национализмом и русским централизмом — естественно, не в смысле формального соглашения, возникшего вследствие переговоров, а скорее как проявление фактического равновесия антагонистических общественных сил, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы утвердиться полностью... Условия этого компромисса можно охарактеризовать так: Россия сохраняла политический контроль над Украиной и благодаря этому положение главной силы в Восточной Европе, Украина же сохраняла после крушения своих больших надежд статус нации (в котором ей отказывал царский режим) и символическое признание ее государственности в форме Украинской ССР». См.: Лысяк-Рудницкий И. Между историей и политикой. М.; СПб., 2007. С. 580–581.

1920-х гг. в рамках набиравшей обороты политики «коренизации», основные принципы которой были озвучены лидерами большевиков на XII съезде партии в апреле 1923 г. Политика «коренизации» в УССР и в украинских районах РСФСР получила название «украинизации», на этот раз она выступала в качестве одного из ведущих механизмов в деле строительства украинской социалистической нации. Именно в это время считавшееся малороссийским население РСФСР было признано украинским национальным меньшинством, наряду с другими народами, а этноним «малоросс» с середины 1920-х гг. был заменен этнонимом «украинец».

Не случайно на X съезде РКП(б) И.В. Сталин в своем заключительном слове по национальному вопросу заявил: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на их родном языке. Такие же речи раздавались пять лет тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев, между тем украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории»³⁶.

Это, в свою очередь, означало, что в отношении малороссийского/украинского национального меньшинства предстояло проводить самую широкую культурно-просветительную работу на их родном языке, каковым априори считался лишь украинский. Так, по мнению заместителя председателя Совета по просвещению национальных меньшинств (Совнацмена) Наркомпроса РСФСР И. Давыдова, как только украинское население стало осознавать себя в качестве отдельной национальности, отличной от великорусской, «с этого момента население преобразуется, оно предъявляет требования ведения среди них работы, как

³⁶ Сталин И.В. Соч. В 13-ти тт. М., 1946–1951. Т. 5. М., 1947. С. 48–49.

среди особой национальности, на их родном языке, и тогда начинается стихийный рост национальных просветительских учреждений»³⁷.

Другой важнейшей задачей партийно-советского руководства была полная советизация украинского села и вовлечение селян-украинцев в социалистическое строительство. В отчете Центрального украинского бюро Совнацмена за октябрь 1924 г. — апрель 1925 г. сообщалось: «Украинское крестьянство Воронежской, Курской [губерний] и Кубани до сего времени не является вполне “советским” вследствие того, что вся политико-просветительная работа ведется на русском языке, отчего создается недоверчивое отношение к работникам, на которых смотрят, как на чуждый, пришлый элемент, т. е. как на руссификаторов»³⁸.

Активными сторонниками государственной политики советской украинизации в России выступали сотрудники Украинского бюро Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, Отдела Национальностей ВЦИКА, а также сельские учителя, представлявшие формирующуюся новую украинскую интеллигенцию. Без сомнения, политика украинизации на территории РСФСР явилась мощным фактором, стимулировавшим формирование украинского национального самосознания среди местного малороссийского населения.

С середины 1923 г. и вплоть до конца 1925 г. можно говорить о *первом этапе* государственной политики украинизации в РСФСР, главная цель которого — поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную («самостийную») культурно-просветительскую работу

³⁷ ГА РФ. А-296. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

³⁸ Там же. Д. 132. Л. 5. Неслучайно Сталин в своем докладе на XII партсъезде обращал внимание делегатов на следующее обстоятельство: «Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и международной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности». См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 482.

беспартийного учительства по созданию украинской национальной школы и обеспечить условия для ее нормального функционирования. Поскольку, как свидетельствуют архивные документы, вопрос о создании украинской школы являлся «новым и не всегда правильно понятым явлением революции»³⁹.

В докладной записке заместителя председателя Совнацмена Давыдова в Президиум Совнацмена по вопросу об украинизации советского аппарата, составленной не ранее мая 1925 г., указывалось, что *на Кубани*, «несмотря на то, что население в значительной степени украинское во многих округах края, несмотря на то, что это население ведет работу, общается на украинском языке, несмотря на это, ни партийные, ни советские органы к разрешению украинского вопроса вплотную не подошли, директив не дали», «партийные органы украинской работы не охватили, и последняя развивается стихийно, вне влияния и руководства партии». — «Надо удивляться, что партийные комитеты допустили стихийное развитие украинизации, не вырешили этого вопроса и не взяли течения в свои руки», «каков бы ни был взгляд на украинизацию, нельзя было оставлять вне направления и руководства партии, надо было взять в свои руки»⁴⁰.

В период между 1 и 7 апреля 1925 г. в Краснодаре (Кубанский округ Северокавказского края) состоялись I-я украинская учительская конференция Кубанского округа и краевое совещание представителей окружных партийных комитетов по украинскому вопросу. Оба совещания показали его актуальность, требующую скорейшего разрешения со стороны советской власти. «Характерно противопоставление, которое было во всех выступлениях на учительской конференции: “Мы и вы, мы — украинцы и вы — россияне”. Вследствие отсутствия понимания на местах в станицах учителям приходится все время доказы-

³⁹ См.: ГА РФ. А-296. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

⁴⁰ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 278–279, 281.

вать, что украинский язык есть, что школа нужна и прочее, и прочее. Развернувшиеся по докладам прения свелись опять-таки к доказательствам, что украинский вопрос есть, что школа нужна, что это соответствует желаниям населения. Учителя прямо говорили: “Нам чинят препятствия на местах, на нас смотрят косо, как на каких-то контрреволюционеров. У ячеек партии мы не находим поддержки, в лучшем случае — безразличное отношение”. — “Скажите нам, что мы делаем, делаем ли мы необходимое для государства дело или мы творим контрреволюционное дело? Если мы делаем полезную работу, дайте по этому вопросу четкие указания местам”. Такое настроение естественно и понятно, то оно и привело к тому, что первая половина прений состояла из доказательств необходимости украинской работы. На этот вопрос надо дать ясный и точный ответ высшему партийному органу ЦК РКП(б)»⁴¹.

Отсутствие партийных директив по вопросу украинизации в РСФСР сильно осложняло работу государственных органов и приводило к непониманию происходивших процессов не только в массе простого крестьянского населения, но и в среде партийцев: «Коммунисты спрашивали: а можно ли быть коммунисту украинцем, а беспартийные обратный ставят вопрос: “Можно ли украинцу быть коммунистом?”»⁴².

Схожую ситуацию, когда рядовые члены партии нередко воспринимали «украинский вопрос» как «петлюровщину», можно было наблюдать и в других регионах РСФСР. Так, в докладе заведующего Центральным украинским бюро Совнацмена П.С. Шафрана, который побывал с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах *Воронежской губернии* весной 1925 г., было отмечено: «Украинское учительство запугано. Еще до сих пор смотрят на украинское учительство, как на шовинистическо-петлюровское. Работник, который заботится о

⁴¹ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 280.

⁴² Там же.

школе, получает ярлык “щирий”. Над переводом школ на украинский язык производятся опыты»⁴³.

По мнению современного исследователя И.И. Шульги, началом политики украинизации в Поволжье можно считать создание в феврале 1923 г. украинских подотделов при отделе нацменьшинств губернских исполкомов. При этом «особенностью украинизации в РСФСР, в отличие от аналогичных процессов, протекавших на Украине, являлось то, что она первоначально касалась только сферы народного образования»⁴⁴.

Как следовало из отчета о деятельности Самарского губернского отдела национальностей (Губотнаца) за 1922 г., в Самарской губернии была в это время только одна украинская школа I-й ступени на государственном снабжении в Бугурусланском уезде и еще 10 школ, содержащихся на общественные средства⁴⁵. В годовом отчете Отдела нацменьшинств Наркомнаца РСФСР за 1922 г. указано 12 украинских школ в Самарской губернии⁴⁶. В отчете Саратовского губотнаца за апрель 1923 г. сообщалось о приобретении литературы на украинском языке в количестве 99 экземпляров на сумму 1 тыс. рублей⁴⁷.

В начале 1925 г. в Саратовский Губисполком поступило ходатайство от украинских студентов Саратова с настоятельной просьбой об урегулировании вопроса о переводе школ на украинский язык обучения. Они сообщали: «Когда мы приезжали домой, то наши деды, отцы, братья, сестры и прочие родственники говорят нам: “Ми чули, що Ленин розришив кожному народу вчиця своєму ридному слову на ридни мови те-б-то на вкраїнськой мови, бо наших дітей и теперечки вчать так, як при цареви, чи дождемось ми

⁴³ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–7.

⁴⁴ Шульга И.И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.) // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции. Киев; М.; Уфа, 2010. С. 139.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1248. Л. 13–13 об.

⁴⁶ Там же. Д. 1220. Л. 32.

⁴⁷ Там же. Д. 458. Л. 98 об.

коли-нибудь почути в школи ридну мову?», — спрашивают нас односельчане. Ответить на такой щекотливый вопрос что-либо определенное мы затруднились»⁴⁸.

В сентябре 1925 г. в Нижнее Поволжье был направлен заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена НКП Шафран. По его инициативе при Саратовском и Царицынском губисполкомах были созданы специальные комиссии по изучению украинского вопроса. Практически во всех населенных пунктах, где они работали, местное население высказывалось за необходимость перехода школ и учреждений на украинский язык. В беседах с учителями, обучавших украинских детей, выяснялось, что «материнский разговорный язык местных малороссов больше схож с украинским, нежели с русским, ...прежде чем учить учеников грамоте, приходится учить понимать и разговаривать на русском языке, что тормозит общую работу школы и наблюдается ущерб в ориентации со стороны учащихся»⁴⁹. В ходе работы комиссия «открыла глаза» губернским властям на то, что «малороссы это и есть украинцы», а следовательно, необходимо проводить украинизацию. На совещании Красноярского волисполкома Саратовской губернии Шафран выступил с докладом, в котором указал, что «украинцы или малороссы являются также национальным меньшинством на территории РСФСР», «тот взгляд, который существует, что украинцы на Украине, ошибочен, и что украинцы живут не только на Украине, но, в частности, и в Саратовской губернии»⁵⁰.

Однако многие представители низового партийно-советского аппарата в Поволжье всячески сопротивлялись проведению украинизации. Так, 15 сентября 1925 г. Президиум Камышинского укома РКП(б) постановил: «При дальнейшей длительной агитационной работе по популяризации украинского языка, за счет великорусского, возбуждая национальные чувства украинцев, которые

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 222.

⁴⁹ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 153. Л. 18 об.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 204.

сейчас уже выделяются среди великорусского населения, можно добиться такого положения, что украинское население согласится на введение украинского языка в школах и учреждениях, но от этого Президиум Укома иных результатов, кроме вреда, не видит»⁵¹. Несмотря на деятельность комиссии Шафрана, местная власть, по сути, не приступила к реализации мероприятий по украинизации на данном этапе. Заведующий Сталинградским ГубОНО на вопрос украинского инспектора о дальнейшей судьбе украинизации ответил: «Да, сообщу для Вас печальную новость: среди хохлов работы не вести, не нужно хохлов учить на их хохлацком языке». А заведующий Сталинградским Губсовнацменом, злорадствуя, говорил украинскому инспектору: «Вас забьют, даром приехали работать, работы не поведешь, потому что я знаю, что решено провести плебисцит, который похоронит украинскую работу вообще, это не на Украине, и не я с тобой буду вести плебисцит. А книги [на украинском языке], их 6 тысяч или больше, нужно будет продать на базаре, сеledку заматывать»⁵².

Столь же сложной была ситуация и в *Сибири*. Как следует из доклада инструктора Отдела Национальностей ВЦИК С. Моравского от 30 июня 1926 г., к этому времени на весь Сибирский край было всего лишь 33 украинских школы I-й ступени, 27 изб-читален и 30 ликпунктов неграмотности на украинском языке. И это при том, что украинцы составляли около 10% всего населения Сибири, а в некоторых округах, как, например, Омский и Славгородский, половину населения. «Украинцы и белорусы охвачены школой не более чем на 6,5%... Как видно из приведенных данных, работа на родном языке почти совершенно не ведется среди украинского и белорусского и весьма слабо среди мордовского населения», — говорилось в докладе Моравского⁵³.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 199.

⁵² Цит. по: Шульга И.И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.). С. 141.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 38. Л. 8–9.

Что же касается *Дальневосточного края*, то здесь в силу целого ряда политических причин⁵⁴ мероприятия по украинизации совершенно отсутствовали вплоть до начала 1931 г.

Таким образом, в первые два года коренизация среди украинцев РСФСР шла медленно, ей мешали как настроения рядовых партийцев, которые не видели необходимости в ее проведении, так и пассивность основной массы украинского населения. Как правило, в это время речь шла лишь о создании украинских начальных школ. К концу 1925 г. по всей РСФСР насчитывалось только 84 украинских школы I-й ступени⁵⁵. Тем не менее, несмотря на все сложности этого этапа, с конца 1925 г. начался (прежде всего на Кубани и в Воронежской губернии) заметный перелом в деле украинизации.

По нашему мнению, период с конца 1925 г. и вплоть до конца 1929 г., до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства, можно обозначить в качестве следующего, *второго этапа*, основная цель которого заключалась в украинизации партийно-советского аппарата, правоохранительных и судебных органов. Необходимо было начать украинизацию сельских советов, волостей и районов, переводя делопроизводство на украинский язык. Тем самым были сделаны первые шаги на пути по административно-территориальному выделению украинских национальных сельсоветов, волостей и районов на территории РСФСР. С другой стороны, в сфере народного образования возникла острая потребность в школах повышенного типа (школы II-й ступени, школы крестьянской молодежи, фабрично-заводские семилетки) на украинском языке и украинских педтехникумах для обеспечения украинскими педагогическими кадрами массовой школы (школы I-й ступени).

⁵⁴ Имеется в виду прежде всего Читинский судебный процесс 1923–1924 гг., устроенный большевиками над лидерами украинского национального движения ДВР.

⁵⁵ См.: *Вдовиченко*. Обслуживание культурно-социальных нужд украинского населения в РСФСР // Советское строительство. 1928. № 7 (24). С. 82.

Правда, следует сделать одно принципиальное уточнение. Все вышеперечисленные моменты, характеризующие второй этап украинизации, и особенно процесс украинизации органов управления, в полной мере проявили себя лишь в самом конце этого этапа, в 1928–1929 гг., да и то главным образом на территории *Центрально-Черноземной области и Кубани*.

Так, например, вплоть до конца 1928 г. на территории РСФСР не было выделено еще ни одного района или округа с делопроизводством на украинском языке, за исключением трех волостей бывшей Воронежской губернии, где эта работа проводилась в качестве эксперимента с 1927 г. В конечном итоге частичный перевод делопроизводства на украинский язык был произведен в двух волисполкомах (21 сельсовет). В связи с образованием летом 1928 г. Центрально-Черноземной области (ЦЧО) процесс по административному выделению украинских районов затормозился и к нему приступили снова лишь в начале 1929 г., когда было принято соответствующее постановление Центрально-Черноземного областного исполкома.

Как отмечал сотрудник Отдела национальностей ВЦИК З. Островский, «на Северном Кавказе до конца 1928 г. ровно ничего не было сделано в этом направлении, хотя имелся ряд постановлений съездов советов, пленумов стансоветов и даже районных съездов советов о необходимости полной украинизации соваппарата»⁵⁶. Только в декабре 1928 г. Северо-Кавказский крайком партии принял решение о проведении украинизации советского и партийного аппарата в 37 районах края, в том числе в 12 районах Кубани, где проживало свыше 1750 тыс. украинского населения (или 44 % всего украинского населения в крае). Планом предусматривалась переподготовка необходимого количества низовых советских работников. За три года ее должны были пройти 2878 человек, из которых 1620 работников сельских советов (по 3 человека на каждый сельсо-

⁵⁶ Островский З. С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 47.

вет). Предполагалось подготовить на каждый украинизированный район по 10 человек представителей сельской милиции, всего 370 человек. А весь состав технических работников районного аппарата⁵⁷ должен был пройти переподготовку на специально организованных курсах. Переподготовка ответственных работников с ненормированным трудом, т. е. членов президиумов райисполкомов, заведующих отделами и т. д., должна проводиться без отрыва от основной работы, посредством организации в районных центрах вечерних кружков по самообразованию. В 1929 г. было намечено переподготовить 927 человек, 1930 г. — 903, 1931 г. — 1048 человек. На проведение украинизации советского аппарата было запланировано израсходовать 389 666 рублей, из них в 1929 г. — 141 547 руб.⁵⁸

В постановлении ЦИК СССР по докладу Северо-Кавказского крайисполкома о практическом осуществлении национальной политики в Северо-Кавказском крае от 12 февраля 1930 г. сообщалось: «В частности, в отношении обслуживания украинского населения и проведения украинизации, несмотря на ряд имевшихся решений, дело практически не получило должного разрешения. Принятый крайисполкомом план проведения украинизации на Северном Кавказе к 1930 г. соответствующего перелома на местах не создал. До весны 1929 г. руководство краевых советских органов в этом вопросе не было ни твердым, ни последовательным. Точно так же и в планах работы окрисполкомов большинства округов вопрос украинизации до сих пор не находил достаточного отражения»⁵⁹. В целях активизации мероприятий в области украинизации краевым органам власти предлагалось в ближайшее время создать в центре Северо-Кавказского края и округах с украинским населением очаги культуры — театры, библиотеки, лите-

⁵⁷ Это были служащие райисполкомов и их отделов, работники суда, милиции и др.

⁵⁸ *Иванов, Ковалев.* Некоторые итоги национальной политики на Северном Кавказе // Советское строительство. 1929. № 7 (36). С. 122.

⁵⁹ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 116.

ратурные объединения писателей-украинцев, а также развернуть организацию школ, изб-читален, народных домов и клубов.

На остальной территории РСФСР темпы украинизации партийно-советского аппарата были «особенно нетерпимы». Так, в *Нижне-Волжском крае* вплоть до весны 1930 г. он не только не был переведен на родной язык украинского населения⁶⁰, но там даже еще не приступили по-настоящему к выделению национально-административных единиц. Например, Николаевский район бывшего Камышинского округа, где украинское население составляло 81 %, или Владимирский район Астраханского округа, где украинцев было 90 %, и другие подобные районы и сельсоветы не были еще выделены, как национальные. В докладе «Работа среди нацменьшинств Нижне-Волжского края в области советского строительства», направленном инструктору ЦИК СССР Шалюпе, сообщалось, что в Нижне-Волжском крае насчитывается 217 украинских сельсоветов, «перевод делопроизводства в национальных советах на родной язык в большинстве случаев осуществлен частично, наибольшее число сельсоветов, где не проведена еще коренизация, приходится на украинскую и мордовскую национальности. Медленное развертывание работы по переводу делопроизводства низовых советских органов на родной язык обуславливается отсутствием необходимого количества подготовленных работников из среды нацменьшинств»⁶¹.

В *Сибири* вопрос о коренизации советского аппарата и перевода делопроизводства на украинский язык вообще не стоял в поле зрения местных руководящих органов вплоть до 1930 г. К 1929 г. было создано всего лишь 95 украинских сельских советов на весь Сибирский край. Интересно

⁶⁰ На наш взгляд, часто встречающееся в документах периода проведения украинизации в РСФСР устойчивое выражение «родной язык» применительно к местному малороссийскому / украинскому населению на самом деле не отражает в полной мере того, какой язык (украинский или русский) был им действительно родным языком.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1352. Л. 74–74 об.

отметить следующий факт. Славгородский окружной исполком в июне 1928 г. принял решение о нецелесообразности перевода судопроизводства на украинский язык, мотивируя это тем, что «украинское население округа наполовину обрусело, а также за неимением в составе суда сил, хорошо владеющих украинским языком»⁶².

В постановлении ЦИК СССР по докладу о работе среди национальных меньшинств Сибирского края 8 декабря 1929 г. указывались следующие недочеты: «слабость работы и недооценка политического значения организационного и социально-культурного обслуживания украинцев и белорусов как национальных меньшинств на их родном языке», «невыделение до сих пор украинских и белорусских национальных административно-территориальных единиц». Для их устранения и дальнейшего развертывания работы среди национальных меньшинств Сибирскому крайисполкому предстояло, во-первых, «в целях приближения советского аппарата к трудящимся массам нацменьшинств и большего вовлечения их в советское строительство закончить выделение и оформление национальных административно-территориальных единиц в местностях с компактным населением нацменьшинств (в частности, украинских и белорусских) в срок, установленный ВЦИК». Во-вторых, «в дальнейшем в работе среди национальных меньшинств сосредоточить внимание краевых и местных органов на большем обслуживании украинского и белорусского населения»⁶³.

В деле украинизации административных органов и образования национальных районов и сельсоветов практически на всей территории РСФСР приходилось преодолевать огромные трудности, но первые шаги были сделаны, что дало положительные результаты на заключительном этапе украинизации, когда этот процесс был активизирован в ходе социалистических преобразований первой пятилетки,

⁶² Михайлидис В. Обслуживание национальных меньшинств в Сибирском крае // Советское строительство. 1929. № 6 (35). С. 97–98.

⁶³ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 110–111.

в особенности с переходом к сплошной коллективизации сельского хозяйства.

XVI съезд партии, проходивший в июне 1930 г., выдвинул лозунг социалистического наступления по всему фронту. И.В. Сталин охарактеризовал его, как движение «на всех парах к социализму», как задачу превращения СССР в промышленно-аграрный металлургический комбинат. В связи с этим основной целью национальной политики советской власти становится укрепление диктатуры пролетариата и выдвижение пролетарских кадров: «Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата»⁶⁴. Вместе с тем Сталин озвучил на съезде принципиально важный тезис: «Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме». При этом он подчеркнул, что «развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке», «только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства», «в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР»⁶⁵.

В связи с этим нам представляется вполне справедливым выделить период с 1930 г. по декабрь 1932 г. в качестве заключительного *третьего этапа* украинизации в РСФСР, главная цель которого заключалась, во-первых, в реализации всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности среди украинского нацменьшинства на украинском языке; во-вторых, в форсированном завер-

⁶⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 55.

⁶⁵ Там же. С. 55–56.

шении украинизации административного и хозяйственного аппаратов управления, культурно-просветительных учреждений в национальных районах. Именно поэтому в это время достигает своего пика украинизация школ и культпросветучреждений, массовыми тиражами выходят районные газеты на украинском языке, создаются украинские отделения в вузах и т. д.

С началом перехода к строительству социализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства меняются приоритеты украинизации. С одной стороны, украинизация в сельских районах РСФСР должна была стать одним из инструментов власти в деле успешного проведения сплошной коллективизации. Как следствие этого, резко усиливается ее классовая составляющая, всячески подчеркивается ее антикулацкая направленность и, наоборот, затушевываются, отодвигаются на задний план все национальные компоненты, нацеленные на формирование украинского самосознания среди селянства. С другой стороны, важнейшей задачей в ходе украинизации становится воспитание и выдвижение пролетарских национальных кадров, заменивших старую дореволюционную интеллигенцию. В связи с этим перспективные планы украинизации зачастую необоснованно завышаются, усиливается административный нажим, вызывая негативную реакцию, как со стороны представителей низового партийно-советского аппарата, так и местного украинского населения.

Не случайно в постановлении ЦИК СССР по докладу *Северокавказского крайисполкома* о практическом осуществлении национальной политики (февраль 1930 г.) указывалось на необходимость «принять более решительные меры к окончательному очищению советского аппарата и аппарата кооперативного и других общественных организаций автономных областей и национальных районов от классово-чуждых элементов, укреплению и перестройке работы национальных советов в соответствии с новыми политическими и хозяйственно-культурными задачами и к усилению их руководящей роли в проведении коллективи-

зации», «взять твердый курс на более широкое развертывание работы по организации и укреплению групп бедноты при национальных советах», «разработать практические мероприятия, обеспечивающие в кратчайший срок укрепление советского и кооперативного аппарата национальными кадрами из среды рабочих, батраков и бедняков»⁶⁶.

Как считает И.И. Шульга, в Поволжье отношение местных властей к украинскому вопросу стало меняться в пользу украинизации только в 1929–1930 гг. По мнению тогдашних администраторов, низкая эффективность политико-разъяснительной работы на русском языке в национальных украинских районах препятствовала быстрому созданию колхозов. Местные власти рассчитывали, что агитация на украинском языке поможет им в борьбе с кулачеством. В одном из своих выступлений ответственный работник Нижне-Волжского крайкома Бергер отмечал: «Проблема украинизации в Нижне-Волжском крае особенно остро выдвигается сейчас в связи с развертыванием социалистического переустройства села. Кулачество в украинской деревне сильнее по своему удельному весу, чем в русской»⁶⁷.

Краевое совещание групп бедноты из украинцев Нижне-Волжского края и украинских учителей, состоявшееся 21 января 1930 г., в своем постановлении отмечало: «Решительный перевод всей работы в украинском селе на родной язык населения значительно подвинет активность трудящейся массы украинцев, особенно бедноты и батрачества, нанесет чувствительный удар великодержавному шовинизму, разобьет попытку украинского кулачества создать единый национальный фронт, что обеспечит скорейшее развертывание социалистической перестройки украинского села»⁶⁸. Отдельные участники совещания напрямую

⁶⁶ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 116.

⁶⁷ Цит. по: Шульга И.И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.). С. 141.

⁶⁸ Цит. по: Островский З.С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. С. 42.

связывали вопрос украинизации с успешным проведением коллективизации в крае. Так, Клименко сообщал, что «нужно переводить работу на украинский язык, как культурно-просветительную, так и административную, тогда коллективизацию мы закончим быстрее». А Спыця указывал на то, что «необходимо, нужно издавать специальную газету или же иметь “украинскую страничку” при “Советской деревне” — это скорей послужит тому, что кулачество как класс уничтожим»⁶⁹.

Отличительной особенностью завершающего этапа стало то, что именно в этот период начинается украинизация в *Дальневосточном крае*. Постановлением V пленума Далькрайисполкома 16 января 1931 г. об обслуживании нацменьшинств на родных языках предписывалось всем райисполкомам, горсоветам, хозяйственным и кооперативным организациям в местностях, где проживали нацменьшинства, немедленно организовать переводческие бюро и приступить к обслуживанию нацменьшинств на их родном языке. В практической плоскости постановление предусматривало проведение украинизации 6 районов Дальневосточного края с наиболее высокой долей украинского населения: Спасского, Ханкайского, Черниговского, Калининского в Приморье, а также Завитинского и Александровского в Приамурье. До 1 октября 1931 г. в данных районах должно было быть переведено на украинский язык все официальное делопроизводство. Еще 7 районов были определены как районы частичной украинизации, где должно было обеспечиваться обслуживание украинского населения на родном языке путем создания специальных переводческих бюро при соответствующих райисполкоммах и хозяйственных организациях. В соответствии с категорическим требованием II расширенного пленума Далькрайисполкома о переводе делопроизводства на родной язык, райисполкомам названных районов предписывалось определить села, компактно заселенные украинцами, и пере-

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1352. Л. 43–43 об.

вести здесь работу всех учреждений (сельсоветов, школ, больниц, хат-читален) на украинский язык. Вся официальную переписку предполагалось осуществлять через отмеченные выше переводческие бюро. Эта работу планировалось закончить до 1 октября 1931 г.⁷⁰

После январского пленума украинизация на Дальнем Востоке стала набирать темпы, особенно в сфере образования и культурно-просветительных учреждений. «Фактически украинизация в крае начата всего полтора года назад, и тем не менее уже за эти полтора года баланс украинизации показывает достаточный актив. В украинских районах открыто более 700 школ I-й ступени, 25 ФЗС и ШКМ⁷¹ с общим количеством учащихся более 30 тысяч человек. Организован украинский техникум, отделение агропед-института, передвижной театр и украинская краевая газета. Печать в ряде районов переведена на украинский язык, проведена подготовка 260 педагогов для украинских школ. Правительство советской Украины взяло шефство над украинскими районами ДВК⁷², поставив конкретную задачу культурной помощи районам в укреплении их кадрами. Эту задачу Украинская республика выполняет с большим успехом, дав украинским районам ДВК около 300 работников и организовав систематическое культурное обслуживание украинского населения в крае», — сообщалось в статье М. Голубовского в журнале «Советское строительство»⁷³.

22 апреля 1933 г. *Северо-Кавказский* краевой отдел народного образования предоставил Наркомпросу РСФСР следующие статистические данные об итогах украиниза-

⁷⁰ См.: Черномаз В.А. Украинцы Приморья: прошлое и настоящее // Многонациональное Приморье: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Владивосток, 1999. С. 26–33.

⁷¹ ФЗС и ШКМ — фабрично-заводские семилетки и школы колхозной молодежи.

⁷² ДВК — Дальневосточный край.

⁷³ Голубовский М. Десять лет проведения ленинской национальной политики в Дальне-Восточном крае // Советское строительство. 1933. № 1 (78). С. 88.

ции школ к концу учебного года: «В конце 1932 г. на Северном Кавказе⁷⁴ на украинском языке работало 1609 школ 1-й ступени с 221453 учащимися и с 558 учителями, 259 школ 2-й ступени с 42148 учащимися и с 1552 преподавателями, 12 педагогических техникумов, краткосрочные педагогические курсы и сеть политпросветучреждений»⁷⁵.

В *Центрально-Черноземной области (ЦЧО)* к декабрю 1932 г. существовало уже 52 района полной и частичной украинизации. Вместе с тем довольно значительных результатов ЦЧО достигла в сфере украинизации системы школьного образования и культурно-просветительных учреждений. Например, к началу 1931/1932 учебного года в большинстве районов завершалась украинизация школы I-й ступени (80%), разворачивалась украинизация школ повышенного типа — 34 и педтехникумов — 14. Значительно выросла и украинская печать: если в 1930 г. было всего 2 украинских газеты по области, то к концу 1931 г. полностью украинизированных было 10 районных газет, 3 газеты были частично украинизированы (имелся вкладыш на украинском языке) и выходила 1 областная газета для малограмотных⁷⁶.

К этому времени украинизация на территории РСФСР набрала достаточно высокие темпы (а по сравнению с предыдущими этапами это был гигантский рывок вперед): украинских школ I-й ступени насчитывалось около 4 тыс., было выделено около сотни украинских районов, выходило несколько десятков областных и районных газет на украинском языке.

Однако качество украинизации партийно-государственного аппарата, культурно-просветительных и обра-

⁷⁴ Речь идет, прежде всего, о Кубани.

⁷⁵ *Алдакимова О.В.* Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: Дисс... канд. пед. наук. Сочи, 2004. С. 161.

⁷⁶ *Дроздов К.С.* Государственная политика украинизации на Белгородчине в 1923–1932 гг.: цели, этапы, результаты // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 3. Белгород, 2011. С. 29–30; *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. С. 127–128.

зовательных учреждений в РСФСР оставалось на очень низком уровне. Эта проблема активно обсуждалась делегатами I областного съезда нацменьшинств *Центрально-Черноземной области* в марте 1932 г. Представитель Павловского района Льяных заявил о том, что «у нас до сих пор нет национальных украинских кадров, знающих национальный украинский язык», «они только нарождаются, только формируются». Печальный итог — крайне низкое качество украинизации в ЦЧО — вынужден был констатировать в заключительном слове на съезде нацменьшинств сотрудник Отдела национальностей ВЦИК З.С. Островский. По его словам, в украинизируемых районах Центрально-Черноземной области наметилась крайне опасная тенденция — вместо правильного литературного украинского языка стал развиваться какой-то местный жаргон. «В чем замечается эта опасность. Если вы возьмете пачку документов — протоколов, резолюций, отношений и прочих бумаг, которые пишутся на украинском языке в разных районах, — то вы увидите, что уже начинается какой-то разнобой, какие-то выкрутасы: люди выдумывают свои слова, неправильно строят фразы и предложения, несвойственные украинскому языку»⁷⁷.

В ситуации активного сопротивления хлебозаготовкам 1932/1933 гг. со стороны колхозников на Украине, Кубани и в других зернопроизводящих регионах Советского Союза, на фоне массовых антисоветских, антиколхозных выступлений и разраставшегося голода 14 и 15 декабря 1932 г. сталинским руководством были приняты секретные постановления о прекращении политики украинизации сначала на Кубани, а затем и на всей остальной территории РСФСР, которая проводилась здесь на протяжении почти десяти лет. «Легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская «украинизация» почти половины районов Севкавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и

⁷⁷ Государственный архив Воронежской области (ГА ВО). Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 184.

печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.», — говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря. «В целях разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их “партийных” и беспартийных прислужников» высшее партийно-советское руководство страны постановило устранить механическое проведение политики украинизации на территории УССР, «изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций» и «немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов “украинизированных” районов» с украинского на русский язык. Выполняя данную директиву, 18 декабря Северо-Кавказский краевой комитет партии направил во все районы, где до этого проводилась политика украинизации, телеграмму, в которой сообщал, что, «ввиду того, что украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций, — немедленно приостановить дальнейшую украинизацию во всех районах Северного Кавказа»⁷⁸.

В проекте постановления от 14 декабря имелся пункт «Особое постановление», в котором сообщалось: «ЦК решительно осуждает выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей»⁷⁹, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК, Казакстане⁸⁰, Ср. Азии, ЦЧО и т. д.). *Подобные выступления могут только быть на руку тем буржуаз-*

⁷⁸ Цит. по: Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 161–162.

⁷⁹ По всей видимости, речь идет о Н.А. Скрыпнике.

⁸⁰ Так в документе.

но-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу (курсив мой. — К. Д.).

Поручить крайкому ДВК, обкому ЦЧО и Казакскому крайкому немедленно приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издание на русский язык и к осени 1933 г. подготовить переход школ и преподавания на русский язык». Проект постановления подвергался правке Сталина и Кагановича, и в окончательный вариант «Особое постановление» не вошло. Но уже 15 декабря оно было оформлено отдельным совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) под названием «Об украинизации в ДВК, Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР»⁸¹. Это постановление положило конец политике украинизации на территории РСФСР.

В конце 1932 г. — начале 1933 г. по инициативе сталинского руководства, которое опасалось распространения украинского буржуазного национализма среди украинской советской интеллигенции и крестьянских масс украинизируемых районов России, произошел отказ от политики украинизации РСФСР. Существовавшие украинские районы, украинские школы были ликвидированы, дело-производство и преподавание было вновь переведено на русский язык.

Украинцы РСФСР в 1920-е — 1930-е гг. Проблема родного языка и национальной идентичности

Политика украинизации в РСФСР проходила на фоне ускорившегося в середине XIX в. процесса формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако этот процесс был еще очень далек от своего завершения. Политический проект общерусской нации,

⁸¹ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. С. 698.

который стал активно продвигаться российской бюрократией с этого же времени, не сошел со сцены даже после победы большевиков и начала осуществления ими политики украинизации в 1920-е гг. Инерция была особенно сильна на территории РСФСР, где местное население, проживавшее в русских губерниях, упорно отказывалось признавать себя «украинцами». Оно именовало себя «хохлами», «малороссами», «перевертнями», «суржиками». Здесь, на русско-украинском пограничье (Кубань, ЦЧО), даже несмотря на многолетнюю государственную политику украинизации, процессы естественной ассимиляции среди малороссийского населения России продолжались.

Обращает на себя внимание тот неоспоримый факт, что довольно большая часть населения *Кубани* воспринимала свою этническую идентичность как промежуточную между русской и украинской: многие жители черноморских станций называли себя «хохлами», «кубанскими хохлами». «Мы все хохлы. Не то русские, не то украинцы». В 1931 г. в Краснодаре проводилось обследование предприятий города «на предмет выявления украинцев». По его данным, рабочие некоторых заводов говорили, что они «кубанские хохлы»⁸². По мнению И.Ю. Васильева, несмотря на «проукраинское» давление советской государственной машины в период проведения украинизации на Кубани, значительная часть людей продолжала отстаивать свой выбор в пользу русской культуры. После проведения коллективизации и, как следствие, более тесного соприкосновения селян с государственным русским языком процесс обрусения Кубани практически завершился.

Население Кубани наиболее активно высказывалось за сохранение своих региональных особенностей, здесь вместо «украинизации» намеревались провести «кубанизацию». В справке ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском

⁸² Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. С. 90.

округах Северного Кавказа от 31 мая 1928 г. сообщалось: «Наряду с отрицательным отношением населения к украинизации, особо следует отметить неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения “своего кубанского языка”, а не “чужого украинского”. Идея “кубанизации” исходит главным образом от кубанских руководителей, методистов-украинцев, возглавляемых профессорами Шалем⁸³, Мартининым и другими. Считая, что украинизированный букварь, которым пользуются украинизированные школы, не отвечает интересам кубанского населения, говорящего на особом наречии, и дети не понимают украинской литературной речи, они выдвинули вопрос о создании нового букваря, составленного на основе местного наречия. Студенты педагогического техникума, работающие сейчас на практике в станице Полтавской Кубанского округа, под покровом краеведческой работы проводят специальное задание по изучению особенностей кубанского наречия, записывая отдельные слова и выражения для составления особого кубанского словаря.

Некоторые из самостийно настроенных учителей, преимущественно из среды коренных кубанцев, поддерживают идею “кубанизации школы”. Характерно отметить, что в школах, возглавляемых этими учителями (например, 2-я Украинская в станице Старощербиновской Донского округа), как дети, так и родители на вопрос: какой язык они желают изучать — русский или украинский, отвечают: “Наш, кубанский”.

В Уманском районе Кубанского округа. Ряд родительских собраний вынесли постановление, в которых высказывается желание о преподавании в школах “родного кубанского языка, а не украинского”.

⁸³ Шаль И.В. (1893–1937) — филолог, педагог, общественный деятель. С 1926 г. — профессор на кафедре языкознания Краснодарского педагогического института. Автор нескольких учебников по украинскому языку для средней и высшей школы. 13 января 1933 г. арестован органами ОГПУ по делу «Союза Кубани и Украины», 24 августа приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Осенью 1933 г. отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, расстрелян в ноябре 1937 г.

В Северском районе Кубанского округа среди населения наблюдаются разговоры: «Если украинизировать школы, то только на нашем кубанском наречии, а не на чужом украинско-галицийском»⁸⁴.

Похожую ситуацию можно было наблюдать и в губерниях Центрального Черноземья. Так, например, отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 г. 49,39% населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что украинцы числятся таковыми лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна». «Практикуемая населением в общежитии речь Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьезную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охотой»⁸⁵. В докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде сообщалось, что украинский язык прививается не совсем хорошо, так как в нем имеются слова, еще непонятные крестьянам: «Понятие же населения о литературном украинском языке слабое, поэтому работники ВКов и сельсоветов в своих обращениях с ним (дача отчетов, докладов, а также разъяснений) применяют местное слобожанское наречие, если же говорить на чисто украинском языке, то он для них бывает не совсем понятным»⁸⁶. Точно так же в мае 1930 г. в докладной записке областной

⁸⁴ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. С. 572.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р.–1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об.; Л. 67.

⁸⁶ Там же. Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.

комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в ЦЧО, было указано, что нередко случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, ничего общего не имеющих с украинцами⁸⁷.

Инспектор Отдела национальностей З.С. Островский, находившийся в Курской губернии в связи с обследованием украинской работы в декабре 1927 г., отмечал в своем докладе, что здешнее население вполне сохранило свой особый язык (слобожанский говор) и бытовые особенности⁸⁸. В связи с этим важно отметить тот факт, что многие местные руководители, как, например, в Белгородском уездном отделе народного образования, даже самую политику по украинизации школы, особенно на раннем этапе, понимали достаточно упрощенно, исключительно как «введение в обиход школы разговорного местного языка»⁸⁹.

Довольно часто местные руководители не воспринимали национальность населения, говорившего уже на русском языке, как украинскую. 2 июня 1932 г. в областной отдел нацменьшинств ЦЧО из Верхне-Карачанского райисполкома поступило любопытное сообщение по вопросу проживания на территории района украинцев: «Райисполком сообщает, что в нашем районе населенных украинцами пунктов нет, имеется один сельский совет, который населяется полуукраинцами, но говорящих на русском языке»⁹⁰. В ответ из Воронежа было направлено директивное письмо руководства областного отдела нацменьшинств с требованием срочно сообщить название данного сельсовета и установить истинную национальность проживающего там населения. «Областной отдел нацменьшинств, получив от Вас сообщение, что в одном из сельсоветов района проживают “полуукраинцы”, счи-

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р.-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 67.

⁸⁸ Там же. Л. 30.

⁸⁹ Там же. Д. 215. Л. 23 об.

⁹⁰ ГА ВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 385. Л. 235.

тает необходимым разъяснить Вам, что определение нации “полуукраинцы”, данное Вами, совершенно неверно, как нации, “полуукраинцев” быть не может. Возможно, что население этого сельсовета происхождением украинцы, но плохо владеющие своим родным языком. Просим срочно сообщить название этого сельсовета и установить национальность. Срок исполнения 30/VI-32 года»⁹¹.

Существуют свидетельства, что не только руководители, но и само местное население нередко не воспринимало украинский язык как родной. О том, насколько необратимыми стали процессы языковой ассимиляции, свидетельствуют следующие факты. Когда в 1925 г. делегация селян из Воробьевской волости Новохоперского уезда поехала в Харьков⁹², чтобы высказать руководству ВУЦИК свое желание о присоединении волости к Украине, то на вопрос Петровского⁹³: «З якого вы повіту?»⁹⁴ — «делегация не нашла, что ответить»⁹⁵. О. Сосуля, выступая в марте 1932 г. перед делегатами I областного съезда нацменьшинств ЦЧО, сообщил, что в Ракитянской школе фабрично-заводского ученичества, состоящей на 75% из учащихся-украинцев, дети называют украинский язык «украинским», а русский язык — «ридной мовой». «Когда учащийся приходит в канцелярию и видит расписание уроков, то, читая все дисциплины, он, доходя до украинского языка, говорит: «Это украинский язык». А дойдя до русского языка, говорит: «Это родной язык». Какие же это дети украинцев, когда они разговаривают по-украински и в то же время украинский язык [считают] украинским, а русский язык [для них] «ридна мова». Разве можно допускать такое положение, что для него русский язык родной, а не украинский...»⁹⁶.

⁹¹ ГА ВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 385. Л. 234.

⁹² До 1934 г. столица Советской Украины.

⁹³ Петровский Г.И. (1878–1958) — советский партийный и государственный деятель, один из руководителей УССР в 1920-е–1930-е гг. С ноября 1918 г. по март 1938 г. (с перерывами) занимал пост председателя ВУЦИК.

⁹⁴ «С какого вы уезда?».

⁹⁵ ГА ВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1620. Л. 33 об.

⁹⁶ Там же. Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 120–121.

Все перечисленные выше примеры являются, на наш взгляд, достаточно убедительным доводом в пользу того, что в ходе развернувшейся политики украинизации в РСФСР в 1920-е гг. большинство малороссийского населения русско-украинского пограничья выступило за сохранение и развитие своих региональных особенностей (например, подчеркивали, что их язык «слободской» или «кубанский»). Как видно, пограничный тип национальной идентичности — «мы — не украинцы и не русские, мы — хохлы, суржики, перевертни» — не только не исчез, а, наоборот, даже начал доминировать среди широких народных масс на Кубани, в Центральном Черноземье и Поволжье, как, своего рода, защитная реакция «полуукраинцев» на украинизацию, проводимую «сверху», под административным нажимом советских властей.

После прекращения политики украинизации (и вплоть до конца XX в.) на русско-украинском пограничье возобновился процесс естественной ассимиляции украинского населения, и под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности с украинской на русскую. И хотя в это же время произошло упразднение дореволюционного этнонима «малоросс» и закрепился новый — «украинец», это никоим образом не повлияло на процессы естественной ассимиляции, которые продолжались уже среди «украинцев» РСФСР в течение всего двадцатого столетия, что привело в конце концов к почти полному слиянию их с русскими. Так, например, если в середине 1920-х гг. в Воронежской и Курской губерниях насчитывалось около 1,5 млн украинцев, то в 2010 г. численность украинского населения в Центральном Черноземье не достигла даже и 100 тыс. человек: в Воронежской области проживало 43054, в Белгородской — 41 914 и в Курской — 13 643⁹⁷.

⁹⁷ См.: Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах переписи. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

* * *

На наш взгляд, процессы национального и этнокультурного развития среди украинцев России / РСФСР в первой трети XX в. проходили следующим образом. Борьба с украинством (запреты/ограничения украинского языка и т. д.) в дореволюционный период; свободное развитие и даже государственная политика поддержки национального украинского языка, культуры, идентичности и т. д. в ходе осуществления политика украинизации в 1917–1932 гг. (сначала «петлюровской», а затем советской). И наконец, с середины 1930-х гг. — вновь прекращение поддержки украинского языка (культуры, идентичности) на территории РСФСР.

Таким образом, для украинского/малороссийского населения России/РСФСР первая треть XX в. стала временем глобальных перемен, происходивших во всех сферах жизни. Распад Российской империи и образование независимого украинского государства, а затем УССР, признание самостоятельного украинского языка и его статуса в качестве государственного языка наравне с русским — все это самым непосредственным образом повлияло на политическую и национально-культурную жизнь украинцев России/РСФСР.

После революции 1917 г. в рамках решения национального вопроса большевики активизировали процесс формирования украинской нации. В 1917–1918 гг. под влиянием национально-культурного строительства, происходившего на территории независимого украинского государства (сначала Украинской Народной Республики, а затем Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского), в губерниях Центрального Черноземья, на Кубани и на Дальнем Востоке также активизируется украинское движение. Уже весной–летом 1917 г. начинают создаваться украинские культурно-просветительские организации — «Просвиты», «Громады», выходят многочисленные газеты и журналы на украинском языке, поднимается вопрос о необходимости открытия украинских школ.

На русско-украинском пограничье и в «украинских» районах РСФСР украинизация должна была, прежде всего, сформировать украинскую национальную идентичность среди местного малороссийского населения. Наиболее интенсивно этот процесс проходил в 1920-е — начале 1930-х гг., когда на территории РСФСР, где проживало именовавшееся прежде малороссийским население, началась политика «украинизации» государственных органов и партийно-советского аппарата, системы школьного образования и культурно-просветительских учреждений.

Однако языковая и культурно-бытовая ассимиляция («обрусение») украинцев Центрального Черноземья, Кубани, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока стали главным препятствием на пути успешной «украинизации» местного населения и в конечном итоге послужили стимулом/сигналом к смене национальной идентичности с украинской на русскую уже во второй половине 1930-х гг. Толчком к этому послужил отказ советского руководства от политики украинизации на территории РСФСР в декабре 1932 г. Свертывание политики украинизации на Кубани, в Центральном Черноземье, Поволжье происходило в условиях кризиса хлебозаготовок и начавшегося массового голода. Политика украинизации в РСФСР была прекращена и уже никогда не возобновлялась.

Во второй половине XX в. под влиянием интенсивного промышленного развития и урбанизации процессы естественной ассимиляции среди украинцев РСФСР, которые оставались преимущественно сельскими жителями, значительно ускорились. К этому времени для большей части украинцев РСФСР/России родным языком стал русский язык, а не украинский.